

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ – 2017

© 2018

Л. В. ГОРЯЕВА

Институт востоковедения РАН
E-mail: l.goriaeva@yandex.ru

DOI: 10.7868/S0869190818030184

23–25 октября 2017 г. в Институте востоковедения РАН проходила очередная, VII конференция под этим, ставшим уже традиционным, названием. Интерес исследователей, в том числе и тех, кто лишь начинает свой путь на научном поприще, к заведомо “неактуальной” тематике, в востоковедной среде не угасает. Как и прежде, представленные доклады охватывали самый широкий круг проблем лингвистики, историографии, литературоведения, религиозной философии, эпиграфики, искусствоведения и других дисциплин. В конференции участвовали 26 докладчиков, представителей научных и учебных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Нижнего Новгорода, Тегерана и Куала-Лумпура. Среди них немало наших постоянных гостей, выступавших с докладами в предыдущие годы.

Нынешняя конференция была приурочена к столетию со дня рождения видного индолога, доктора филологических наук И.Д. Серебрякова (1917–1998), проработавшего в Отделе памятников письменности народов Востока ИВ РАН более четверти века. Конференцию открыл чл.-корр. РАН В.М. Алтаов, поделившийся воспоминаниями о И.Д. Серебрякове.

Н.Ю. Чалисова (ИВКА РГГУ, РАНХиГС) доклад «О переводах персидской поэзии: казус “Рустема и Зораба”, персидской повести, заимствованной из царственной книги Ирана» посвятила обзору переводческой традиции, стратегий и результатов восприятия персидской классики в России. Переводы персидской поэзии на русский язык имеют двухвековую, богатую событиями, историю. Знакомство России с поэзией Ирана началось на рубеже XVIII–XIX вв. Активная переводческая работа с оригиналами, как “художественная”, так и филологическая, пришлась на XX в. В постсоветский период активизировался интерес к прежде запретным поэтам-мистикам и религиозным авторам, а возникновение свободного книжного рынка способствовало коммерческому “раскручиванию” популярных текстов. Докладчик рассмотрела ряд ярких эпизодов из истории переводов с персидского: “Рустем и Зораб”, эпизод из “Шахнаме” в переводе В.А. Жуковского; газель Хафиза в переводе Г. Плисецкого; филологический перевод “Маснави” Руми.

В докладе Е.В. Тюлиной (ИВ РАН) “Представления о камнях и почве в текстах по строительству (*вастувидье*) в пуранах” рассказывалось о том, как традиционные индийские представления о символике различных цветов предопределяли выбор участков для строительства и материалов для изготовления статуй. Так, светлая почва считалась благоприятной для брахманов, красная – для кшатриев, желтая – для вайшьев, черная – для шудр. То же относилось и к камням: светлый был наиболее предпочтителен, черный – наименее. Камни определенного цвета и свойств воспринимались как живые существа мужского или женского пола, что являлось отголоском древнейших культов камней и земли. Особое внимание докладчица уделила группе камней-*шалаграм*, в строительстве не применявшихся и считавшихся проявлениями и изображениями различных форм бога Вишну. Их упоминание в текстах *вастувидьи* свидетельствует о том, что в Индии природа и природные формы оказались включенными в теорию изобразительного искусства и строительства.

Е.С. Штейнер (НИУ ВШЭ) доклад “Дзэнский” или “безумный”? – к интерпретации одного японского свитка начала XIX в.» посвятил редкому артефакту – свитку из частной японской коллекции, прежде не описанному и не опубликованному. Принадлежащий кисти известного литератора конца XVIII – начала XIX в., он содержит стихотворения в жанре *кёка* (“безумных стихов”). Докладчик очертил круг содержащихся в тексте аллюзий на высокую китайскую

поэзию IX в. и реалии низовой японской культуры начала XIX в. вплоть до загадки нобелевской речи Кавабаты. Анализ изображения на свитке показал, что оно в наибольшей степени отвечает формальным признакам жанра *дзэнга*, или “картинок в дзэнском стиле”, которые рисовали дзэнские монахи или близкие к ним по духу люди. Исследователь проанализировал сюжет рисунков, присущие им иконографические приемы, элементы юмора и пародии, свойственные в целом японской городской культуре времен Хокуся и его круга.

В основу доклада *Е.Ю. Гончарова и Л.Г. Лахути* (ИВ РАН) “Московский Хафиз” легла неожиданная находка археологов. В июле 2017 г. в ходе раскопок на Биржевой площади (Китай-город, Москва), проводимых Столичным археологическим бюро, были обнаружены фрагменты двух чаш, изготовленных из оловянистой бронзы. Все фрагменты находились на полу деревянной постройке, разрушенной в период первых двух десятилетий XVII в. Верхние части обеих чаш содержали гравированные надписи. Их палеографические характеристики, а также технология изготовления, особенности орнамента и сравнение с аналогичными сосудами из различных собраний позволили установить, что чаши были изготовлены в Иране во второй половине XVI, но не позже начала XVII в., т.е. в эпоху династии Сефевидов. Для археологии Москвы данная находка является уникальной. Текст на фрагментах чаши написан трудночитаемым почерком, именуемым “ломаным *насталиком*”, и включает декоративные элементы. Форма некоторых букв изменена в соответствии с декоративными задачами и имеющимся в распоряжении мастера пространством. Исследователи установили, что надпись, нанесенная по ободку чаши, содержит три бейта из газелей Хафиза, персидского поэта XIV в.

Тему русско-персидских литературных и фольклорных параллелей рассмотрели *Ф. Маишхадифа* (ННГУ им. Лобачевского) и *Тахи-абад Медхи Хоссейни* (Тегеранский ун-т, Иран) в докладе “О сюжетном сходстве мотива утопления любовницы в преданиях об Адуд ад-Дауля Дейлеми и Степане Разине”. Эта тема встречается в преданиях о жизни некоторых правителей Ирана и в иранской народной культуре в целом: примером тому служит история о Бахраме Гуре и его служанке. Свои версии этой истории предлагают Фирдоуси и Низами. Наиболее яркое отражение темы убийства любовницы путем утопления содержится в персидских нравоучительных преданиях об Адуд ад-Дауля Дейлеми (936–983). С одной стороны, в них воспевается могущество и авторитет царя, с другой – осуждается его внезапный гнев. Аналогичный мотив присутствует и в литературных и фольклорных рассказах о персидском походе Степана Разина в 1667–1669 гг. Хотя в русских исторических источниках правдивость этого эпизода подвергается сомнению, он в той или иной мере служит отголоском исторических преданий о действиях Разина и казаков в Иране.

Е.Л. Никитенко (НИУ ВШЭ) представила доклад “Беседа влюбленных” и диалог между текстами: интертекстуальные отношения и формирование топики малых жанров персидской литературы». В нем речь шла о малоизученном жанре персидского любовно-романического эпоса, условно называемом “Десять писем”. Поэмы, относящиеся к этому жанру, были популярны в конце XIII – XV вв., а их сюжет строился вокруг переписки влюбленных. В исследовательской литературе принято считать бесспорным влияние на него десяти писем Вис из поэмы “Вис и Рамин” Гургани. Однако на примере поэмы Аухади Марагаи “Беседа влюбленных, или Десять писем” докладчица показала, что более справедливо говорить о влиянии на жанр “Десяти писем” одной из ключевых сцен поэмы Низами “Хосров и Ширин” – сцены беседы Хосрова и Ширин во время метели. В докладе было продемонстрировано тематическое и композиционное сходство “Беседы влюбленных” Аухади и сцены беседы из поэмы Низами. Анализ прямых отсылок к поэмам Гургани и Низами позволил автору доклада рассмотреть механизм формирования топики малых жанров персидской литературы.

И.Р. Саитбатталов (ИИГУ БашГУ, Уфа) в докладе “Кафиййа ал-асар” Мухаммада-Али Чукури: структура и содержание суфийского панегирика» рассказал о поэме башкирского поэта Мухаммада-Али ал-Чукури (1828–1889), сочиненной в жанре *марсийа* (“плач”) и посвященной педагогу Ниматуллаху б. Биктимиру ал-Истарлибаши. Поэма, написанная на старотюркском с большим числом арабских и персидских заимствований, представлена двумя списками, хранящимися в отделе рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. А.-З. Валиди под шифрами Р-186 и Р-193. Докладчик отметил высокую информативность плача М.-А. Чукури как источника данных о внутренней жизни крупнейшего медресе Башкирии, личных качествах и деяниях двух поколений его преподавателей, внутренних переживаниях суфиев XIX в. Он подчеркнул, что поэма являет собой образец наиболее точно выверенной поэтической техники в истории башкирской литературы.

С.В. Лахути (РГГУ), выступившая с докладом “Арабо-персидские фрагменты из китайского сборника кашгарских мусульман: история Мути”, сообщила о рукописи, найденной в Кашгаре в 1902 г. и написанной арабицей на трех языках: в основном на китайском, но с персидскими и арабскими вставками, общим объемом в 22 страницы. Это мусульманский сборник, содержащий дидактические фрагменты. Рукопись, скорее всего, была создана во второй половине XIX в., об истории текста ничего не известно. Он был опубликован немецким ученым А. Форке в журнале “*T'oung Pao*” в 1907 г. в двух вариантах: транслитерации латиницей и иероглифами, оригинальный текст арабицей не приводился. Расшифровки были снабжены комментариями, отдельно следует немецкий перевод (различие между китайской и арабской лексикой в переводе отражено не было). Работая с рукописью, исследовательница отметила четкое разделение функций арабского и персидского языков: на арабском даются цитаты (главным образом из Корана и хадисов, а также из других источников), а на персидском — повествовательная часть текста. В докладе был дан анализ состава рукописи, содержания арабо-персидской части текста и ее лингвистической специфики — в первую очередь на примере истории о юноше по имени Мути.

Ван Сухайми Ван Абдуллах (Центр исламских исслед. Технологического ун-та Малайзии) в докладе “Ар-Ранири и его подход к переводу терминов ислама с арабского на малайский” отметил особенности подхода видного малайского писателя и религиозного философа XVII в. Нуруддина ар-Ранири к подбору малайских эквивалентов ряда терминов ислама. Без учета особенностей философского восприятия оригинала переводчик не может точно выразить идею исходного языка. В частности, концепция арабо-малайского перевода, разработанная ар-Ранири, не воспринимается и не оценивается с должной объективностью многими современными малайскими лингвистами, а его усилия не получили должного признания. Этому в какой-то мере способствовало отношение малайских и зарубежных востоковедов к наследию ученых прошлого и их нежелание глубже изучать его и дать ему свою оценку. Презентация концепции арабско-малайского перевода ар-Ранири, предложенная в докладе, была призвана стать отправной точкой для будущих исследований малайского духовного наследия.

Одному из традиционных жанров средневековой японской словесности посвятил доклад «Наставления Мори Мотонари сыновьям в контексте периода “воюющих княжеств” в Японии» С.А. Полхов (ИВ РАН). Наставления (*какун*) японских феодалов (*даймё*) периода Сэнгоку (XV–XVI вв.) позволяют приблизиться к пониманию картины мира, образа мыслей и мировоззрения японских самураев конца Средневековья — начала Нового времени. Наставления Мори Мотонари, выраженные в четырех его письмах (сер. XVI в.), обращенных к трем старшим сыновьям, призывают их к единству. Это важнейший мотив сочинения, отражающий ситуацию, в которой оказался могущественный дом Мори, владевший обширным уделом в Западной Японии. Как отмечает исследователь, наставления предлагают своеобразную стратегию выживания в обстановке постоянных войн, смут и мятежей, раскрывают ключевые ценности японского удельного правителя периода Сэнгоку: сохранение рода и обеспечение его могущества. Вместе с тем в них зафиксированы и представления *даймё* о своем времени: автор сочинения пытается осмыслить пройденный жизненный путь.

К проблемам дешифровки *кохау ронго-ронго* (письменности острова Пасхи) обратилась Е.В. Коровина (ИЯ РАН), представившая доклад “Еще раз о структуре жезла из Сантьяго”. Она отметила, что по сохранившемуся объему текстов эта письменность занимает первое место среди нерасшифрованных систем письма. Особое место среди памятников этой письменности занимает жезл из Сантьяго. Это связано с протяженностью начертанного на нем текста (более 2 тыс. элементов) и с достаточно однородной структурой самого текста, которая подавляющим большинством исследователей интерпретируется как перечисление имен того или иного рода. В докладе было предложено дальнейшее, более детальное описание структуры жезла. В частности, типичные знаки представлены в тексте во всех позициях. Продемонстрированы все виды повторяющихся сочетаний, а также параллели между данной структурой и структурой имен в полинезийских традициях.

Н.С. Грунина (ИМЛИ РАН) в докладе «Происхождение и употребление титула “лаксамана” в малайской литературе и истории» проследила историю появления и изменения смыслов этого термина на протяжении ряда веков. Прежде всего он отсылает нас к герою древнеиндийского эпоса “Рамаяна” Лакшмане (Лаксамане в малайском “Сказании о Сери Раме”). Как и в индийской “Рамаяне”, Лаксамана в “Сказании” неотступно следует за Рамой и всячески помогает ему в войне с демоном Раваной, служа воплощением верности и чувства долга, образцом государственного мужа. С течением времени его имя становится нарицательным: именно этот титул

носит легендарный герой “Повести о Ханге Туахе”, олицетворяющий преданность своему сюзеру. В рамках средневековой малайской истории титул “лаксамана” сопоставим со званием морского главнокомандующего. В истории султаната Аче известно имя женщины-полководца Малахаяти, получившую титул “лаксаманы” за свою беспримерную храбрость и отвагу. В целом в Малаккском султанате, преимущественно морской державе, этот титул ценился очень высоко, немногим уступая по значимости титулам “бендахара” и “туменггунг”.

М.В. Бабкова (ИВ РАН) в докладе «“Беседа о постижении Пути” — отдельный памятник или введение к “Вместилищу сути истинного Закона”?» рассмотрела в нем известное под этим названием собрание трактатов буддийского проповедника эпохи Камакура Эйхэй Догэна (1200–1253). Несмотря на разнородность входящих во “Вместилище” текстов, во всем корпусе прослеживается довольно четкая позиция Догэна, что позволяет считать его создателем собственной системы в рамках буддийской философии. При этом трактат “Беседа о постижении Пути”, открывающий современные издания “Вместилища”, не входил в его текст вплоть до XVII в. Согласно существующему мнению, в “Беседе о постижении Пути” в кратком виде собраны ключевые идеи “Вместилища”, и его можно считать законно присоединенным к основному собранию в качестве введения, подготавливающего читателя к восприятию содержания остальных трактатов. Исследовательница подробно рассмотрела аргументы в пользу этой точки зрения и взгляд на “Беседы” как на отдельное произведение Догэна, выражающее его ранние взгляды.

Проблемам, возникающим при изучении текстов так называемого кашмирского шиваизма посвятил доклад «“Тысяча наставлений” Шанкары, почему ты сам неизменен» С.Ч. Офертас (ИВ РАН). В нем говорилось о традиции адвайта-веданты Шанкары, в частности о представлении о самом себе, изложенном им в сочинении “Тысяча наставлений” (*Upadeśasāhasrī*). Его стихотворная часть излагает само учение Шанкары об Атмане и Брахмане, а другая, прозаическая, есть некое “пособие для учителя”, что должен знать и излагать учитель понимающему, но сомневающемуся ученику. Для ученика речь идет о нем самом — *ātman*, почему и как ученик должен сознавать и в любом представлении предполагать свое тождество с Брахманом, который есть предельное обозначение для высшего, определение всему тому беспредельному, что будет пределом всего. Это отвлеченное понятие означает буквально “подъем, рост, восхождение”. Примечательно, что последняя глава стихотворной части рисует картину собеседования такого себя со своим сознанием, умом и воображением, дабы убедить их, что ни сознание, ни ум, ни воображение, ни восприятие, т.е. никакая из приписываемых существу высших способностей сознания не есть он сам, вечно неизменный, извечно свободный, не глядящий и не действующий свидетель. Докладчик показал, каким образом эта концепция была воспринята и трансформирована кашмирскими шиваитами, выдвинувшими свою концепцию вечно творящегося мира.

В докладе Л.Г. Лахути (ИВ РАН) “Индийский след в *маснави* Аттара” был поставлен давно занимавший исследователей вопрос о текстах, послуживших прямыми или косвенными источниками для рассказов, входящих в поэмы-*маснави* персидского суфийского поэта Фарид ад-Дина Аттара (XII–XIII вв.). По мнению востоковеда Яна Рипки, его поэмы — настоящая сокровищница для изучения сравнительного фольклора и истории сюжетов. Так, поэма Аттара “Илахи-наме” включает в общей сложности около 260 вставных рассказов; для 75 из них обнаружены около 60 текстов-предшественников, имеющих с ними сюжетное сходство (по преимуществу персидских и арабских). Сопоставление историй Аттара со сходными по сюжету рассказами его предшественников, современников и более поздних авторов позволяет глубже понять своеобразие творческого метода Аттара, а также проследить бытование этих сюжетов во времени. Некоторые рассказы из поэмы “Илахи-наме” пришли в персидскую литературу из индийской через среднеперсидские переводы.

Ю.Г. Атнамова (ИВ РАН), выступившая с докладом “К вопросу о проблеме сходства в могольской портретной живописи по данным письменных источников”, подчеркнула значение, которое в период правления падишаха Джахангира (1605–1627) играл портрет, ставший, по сути, важным инструментом и неотъемлемой частью официальной пропаганды. В художественных мастерских (тасвир-хана) Джахангира портретисты наделяли портретные образы глубоко индивидуальными характеристиками, что ознаменовало новый этап в изобразительном искусстве Индии и мусульманского Востока в целом. Новые эстетико-художественные принципы и ценностные ориентиры требовали от могольского художника жизненной конкретности и документальной точности, что подразумевало, в свою очередь, работу “с натуры”. Именно такой подход к портретному изображению предписывал художникам сам Джахангир. В докладе проблема

сходства была рассмотрена на материале персоязычных источников могольского времени, приведены данные из мемуаров Джахангира и свидетельства, оставленные его современниками, проанализированы надписи на могольских портретных миниатюрах, сделанные рукой падишаха либо оставленные его писцами.

Доклад “Ранняя буддийская поэтическая проповедь Северной Индии. Проблемы перевода (на примере канонических сборников Тхерагата и Тхеригата)” *Е.Б. Кудрявцева* (СПб.ГУ) посвятила сборникам буддийских *гатх*, составленных на языке пали, сложных для переводчика. В первую очередь это связано с формой самой проповеди, представленной поэтическим текстом в традиционном для Индии силлабическом стихосложении. Поскольку тексты *гатх* не речитировались, а пелись, более правильным переводом видится слово “песни”. Учитывая, что тексты *гатх* изобилуют понятиями буддийской философии, историями, ссылками на учения других религий, современным Будде, переводчику следует обладать не только знанием языка, но и компетентностью в вопросах буддийской философии и учения. Еще одна важная проблема для переводчика *гатх* — избрание поэтической или прозаической формы для перевода. Грамматические особенности языка пали и поэтического языка *гатх* также сложны для перевода главным образом в тех случаях, когда грамматическое явление или конструкция несут особую смысловую нагрузку.

В докладе независимого исследователя *Л.Д. Ганеевой* «“Хроника Чيانгмая” и “Хроника Нан”: священная история» были рассмотрены северотайские компилятивные тексты, списки которых относятся к рубежу XIX–XX вв. (жанр *тамнан фай мыанг*). Если “Хроника Чيانгмая” являлась общей летописью государства Ланна, то “Хроника Нан” освещает местную историю одного из княжеств, входившего в состав Ланна. Оба памятника имеют трехчастную структуру и делятся на “священную историю”, “легендарную часть”, “историческую часть”. Первая из них — наиболее священный раздел текста, состоящий из двух компонентов — истории буддийских государств Индии и истории монского государства Харипунчайя (VII–XII вв.), располагавшегося на территории современных провинций Лампанг и Лампун. При этом описание истории государств ограничивалось лишь сведениями о генеалогии их правителей и кратким изложением таких событий, как завершение одного правления и смена династии. Объем “священной” части в обоих источниках почти одинаков. По содержанию тексты очень близки, некоторые отрывки совпадают практически дословно. Большая часть различий в текстах связана с написанием имен, количеством правителей, продолжительностью их правления.

А.А. Столяров (ИВ РАН) в докладе “Ареал Северной Индии в отражении раннесредневековой эпиграфики” провел анализ опубликованных каталогов североиндийских надписей — списков Килхорна и Бхандаркара, а также базы данных *Diplomatica Indica DataBase*, состоящей из более чем 1350 записей, в основном североиндийских раннесредневековых жалованных грамот. Как показал исследователь, при размещении этих надписей на карте обнаруживается, что места их наибольшей концентрации — штат Гуджарат и прилегающие к нему территории Северной Махараштры, Раджастхана и Мадхья-Прадеша — на западе Индии, и штат Орисса (Одиша) и прилегающие к нему территории Чаттисгарха и Андхра-Прадеша — на востоке. Территории к северу от этих районов охвачены ими довольно слабо. Практически отсутствуют надписи, относящиеся к некоторым периодам. Докладчик объяснил этой обстоятельство тем, что и Гуджарат, и Орисса наиболее упорно противостояли мусульманскому завоеванию. Соответственно, степень утрат надписей, особенно жалованных грамот, на территориях, контролируемых мусульманами, была значительно выше, чем там, где этот контроль был ослаблен, что следует учитывать при рассмотрении всего эпиграфического комплекса раннесредневекового периода.

Доклад *Т.А. Денисовой* (ИВ РАН) «Псевдо-суфии в “Тухфат ан-Нафис”: к трактовке одного неправильно понятого термина» был посвящен рассказу о лжеучителе Лебае Тамате, изложенному в джохорской хронике “Тухфат ан-Нафис” (“Драгоценный дар”). Она принадлежит перу Раджи Али Хаджи и написана в 1865/1866 г. Выдававший себя за истинного суфия, праведника и наставника Лебай Тамат в стремлении стяжать власть и богатство посеял смуту в государстве и в результате был казнен. Личность его вызывала много вопросов. По мнению некоторых, он был колдуном или шаманом, последователем “народной веры”, ошибочно отождествляемой с суфизмом. Раджа Али Хаджи в лице Лебая Тамата описал так называемого псевдо-суфия, существование которых наряду с истинными мистиками и метафизиками можно обнаружить в любой религиозной системе.

Д.В. Миккульский (ИВ РАН) в докладе “Уникальный экземпляр старинного английского исламоведческого трактата” рассказал о попавшей ему в руки редкой книге, изданной в Лондоне

в 1723 г. и содержащей полемическое жизнеописание пророка Мухаммада. Ее автор — историк, гебраист и арабист Хамфри Придо (Humphrey Prideaux; 1648–1723). Название трактата “The True Nature of Imposture, Fully Displayed in the Life of Mohamet...” (“Подлинная природа самозванства, полностью представленная в жизни Магомета...”). Докладчик отметил, что автор книги привлек весьма обширный исследовательский материал, прежде всего арабские источники, в большинстве своем рукописные. Безусловно, трактат Х. Придо был известен крупнейшим арабистам — путешественникам и исследователям, однако данный экземпляр свидетельствует о том, что “Жизнь Магомета” имела в XIX в. и более широкий круг читателей. На принадлежащем докладчику экземпляре имеется владельческая надпись — Catherine Williams (Кэтрин Вильямс). Наиболее вероятно, что речь идет об американке, поэте, прозаике и общественном деятеле Кэтрин Вильямс (1787–1872), одной из почитаемых исторических фигур штата Род-Айленд, относящегося к исторической области Новая Англия. Есть все основания полагать, что именно она оставила на форзаце книги свой автограф. Поскольку в XVII–XIX вв. образованный слой жителей Новой Англии поддерживал весьма тесные культурные контакты со своей прародиной, неудивительно, что трактат Х. Придо оказался в этой части Северной Америки.

Героине многочисленных исламских притч, прославляющих бескорыстную любовь к Богу, посвятила доклад “Образ Рабии ал-Адави в контексте философских взглядов Фарид ад-Дина Аттара (XII–XIII вв.)” Ю.Е. Федорова (ИФ РАН). Для многих суфийских авторов концепт чистой и самоотверженной любви к Богу (*махаббат*) прочно ассоциируется с ее фигурой. В суфийской агиографической литературе содержится немало свидетельств о духовных подвигах и благочестии Рабии. Наибольшую известность получили истории об их беседах с видным проповедником Хасаном ал-Басри, дошедшие до нас в изложении крупнейшего персидского поэта и суфийского мыслителя конца XII — начала XIII в. Фарид ад-Дина Аттара. Эти беседы являются свидетельством действительно редкого для исламской культуры явления, когда женщина, благодаря своей праведности и самоотречению в любви к Богу, становится духовным наставником для весьма известных в то время мужчин-суфиев, а позднее объектом почитания и примером для тех, кто избрал суфийский путь богопознания. В докладе были рассмотрены основные вехи жизненного пути Рабии ал-Адави и Хасана ал-Басри, сформулированы важнейшие аспекты их учения. На основе анализа историй о беседах Рабии и Хасана ал-Басри, представленных в поэмах “Язык птиц”, “Божественная книга”) и агиографическом сочинении “Поминание друзей Божиих” Фарид ад-Дина Аттара исследовательница показала, каким образом он организует свой философский дискурс, основными темами которого становятся суфийские добродетели, интуитивное знание и любовь к Богу.

В докладе Е.Б. Рашковского (ВГБИЛ) «“Царь” и “каган” в хазарских документах» был поставлен извечный вопрос хазарских исследований — идентификация правителей с титулами “каган” и “царь” (ивр. *мелех*, арабск. *малик*) в еврейских и арабских источниках. Данная проблема связана с вопросом о так называемом хазарском двоевластии, широко известном по восточным источникам IX–X вв. Исследователь раскрывает значение этого термина, отмечая, что высший носитель власти в Хазарии — каган — в течение IX в. постепенно превратился в церемониальную фигуру, а реальные рычаги управления страной оказались в руках второго “царя”, именуемого в источниках “шад” или “бек”. Если арабские авторы середины X в. называют словом “царь” (*малик*) только бека, то еврейские источники никогда не говорят о двух царях, противопоставляя друг другу титулы царя и кагана (письмо “кембриджского анонима”) или не упоминая кагана вовсе (письмо Иосифа). Оба документа называют имя последнего иудейского хазарского царя — Иосиф. Однако общепринятого ответа на вопрос, кем его считать (каганом или беком), в историографии не существует до сих пор. Докладчик проанализировал специфику употребления двух этих терминов и пришел к выводу, что условный автор письма — последний правитель Хазарии Иосиф — был каганом.

Одному из сообществ, принадлежащих к венецианской еврейской общине XVII в., был посвящен доклад Е.Д. Зарубиной (ИВ РАН) «О контексте появления понятия “легитимность” в уставе “Братства соблюдающих утро”». Основная часть документа, состоящая из четырех вариантов устава и соответствующих им датированных сообщений, была написана на иврите. Значительную часть участников сообщества составляли представители слоя международных комммерсантов. На примере понятия легитимности докладчица рассмотрела вопрос о влиянии международных событий, происходивших в Восточном Средиземноморье в Раннее Новое время, на рассматриваемое объединение. Так, если в основе первого варианта устава Братства, действовавшего в 1604–1610 гг., лежала репутация членов сообщества, то второй устав, охватывающий

период со второй половины 1610 до 1619 г., впервые включает в себя понятие “легитимный” в значении “законный, действительный; справедливый”, что свидетельствует об изменении терминологии в сторону юридического понимания. С приходом атлантических морских держав в Восточном Средиземноморье изменилась не только политическая расстановка сил, но и характер и организация социальных связей, а участники торговли стали более самостоятельными.

М.Л. Рейснер (ИСАА МГУ) посвятила доклад «Элементы пародирования панегирической касыды в стихотворной сказке Убайда Закани “Мыши и кот”» сюжету, хорошо известному и в русском фольклоре (лубочная сказка “Как мыши кота хоронили”). Из-под пера персидского поэта Убайда Закани, известного мастера сатиры и пародии, вышло довольно много произведений смехового плана, в том числе и прозаические сочинения – пародийный толковый словарь, пародия на морально-этический трактат “Этика благородных”, и поэтическое произведение “Мыши и кот” (موش و گربه).

Несмотря на повествовательный характер стихотворной сказки, она сложена не в рифмовке *маснави*, как можно было бы предположить, а представляет собой монорифмическое произведение объемом 175 бейтов. Таким образом, по форме она сопоставима с большими касыдами, примеры которых можно найти в персидской поэзии. В рифмовке *маснави* (aa bb cc...) сложены только первые три бейта. Некоторые элементы повествования указывают на то, что поэт задумал это произведение как шутейный батальный эпос, поскольку в сказке есть и “богатырская похвальба”, и плач по убитым героям, и прибытие гонца с объявлением войны, и собирание войска. Однако с этими традиционными компонентами эпического сказа в сказке “Мыши и кот” соседствуют явные заимствования из репертуара панегирической касыды. Мотивы пиршества (мыши ликуют, получив весть о том, что кот стал мусульманином и дал обет больше не есть мышей), принесения даров (мыши отправляют посольство к коту) и по лексике, и по типу реализации в тексте прямо отсылают к жанру панегирической касыды.